

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РАЗРАБОТКЕ ОДНОГО СЮЖЕТА ИЗ ИСТОРИИ БОЛГАРИИ (публицистика, историография, литература)

К. И. Иванов, Белорусский государственный университет

В любом этнокультурном пространстве существуют сюжеты, связанные с какими-то важными для страны и народа историческими событиями и личностями. О них периодически вспоминают писатели, публицисты, ученые. Возвращение к общеизвестному историческому сюжету традиционно принято связывать с лингвокультурным феноменом прецедентности. Желание авторов текстов представить знакомые всем факты в новой форме стимулируется циклическими вспышками интереса общества к своей истории, особенно частыми в периоды глубинных изменений в нем. Подобные тенденции более характерны для социума, привыкшего прогнозировать свое будущее и искать объяснения происходящего в закономерностях, имеющих корни в прошлом. Интерес к истории в болгарском обществе традиционно велик. С ним собственно и началось Болгарское Возрождение («История славеноболгарская», написанная по историческим источникам монахом Паисием Хилендарским в 1762 г.). По выражению поэта Любомира Левчева «каждый болгарин – бывший, настоящий или будущий историк».

Наши наблюдения над некоторыми современными трактовками исторических сюжетов ограничатся информацией об инновациях в представлении законодательных инициатив одного из эмблематических владетелей средневековой Болгарии – хана (кана) Крума. Правивший с 802 по 815 гг. язычник Крум известен прежде всего тем, что впервые присоединил к Болгарии город, которому в современной истории было суждено стать столицей страны – Софию (тогда – Сердика). Крум также

расправился жестоко с византийским императором Никифором Геником, напавшим на Болгарию, сделав «чашу из его черепа, из которой велел болгарским боярам пить в память победы». Замечательный след в истории оставила и его деятельность организатора государства. Законы реформатора, по сведениям византийского лексикографа конца X века Свиды (Свидаса, Суды), касались разных сторон быта и были приняты после разговора с пленниками-аварами о причинах поражений и развала их страны. В ответах аваров на вопрос Крума таковыми были названы взаимные обвинения, клеветы, несправедливый суд в руках нечестных, пьянство, подкупы и обман. «Крум, услышав все это – пишет Свидас – созвал всех болгар и приказал: Если кто-либо обвинит другого, то слушать надо его не раньше, нежели он будет допрошен в темнице, если окажется, что клеветал и лгал, подлежит смерти; пусть никто не смеет давать пищу вору, а если кто осмелился это сделать, имущество его подлежит конфискации. У вора должны быть перебиты ноги. Он распорядился уничтожить все виноградные лозы. И не следует давать просящему без разбора, а нужно подавать в зависимости от потребностей, чтобы не просил опять.» Несмотря на то, что карательные меры не сильно отличались от существующих в то время византийских (лишь ложь и клевета там не карались смертью, а членовредительство считалось нормальной мерой наказания), законы Крума (болг. *Крумови закони*) по традиции стали считаться символом жестких, безкомпромиссных, но справедливых и в какой-то степени необходимых регуляторов государственной жизни.

Объектом внимания настоящего анализа стали некоторые инновационные стилистические явления при разработке проблематики из упомянутого отрезка истории Болгарии в современных публицистических и художественных текстах. При этом в них целенаправленно используются также стилистические и языковые средства, характерные для научного стиля в области историографии. Они оказываются тем основным нейтральным фоном, более ярко подчеркивающим экспрессивность и индивидуально-стилистические особенности изложения фактов. В сатирическом рассказе **Мирона Иванова** «*Крумови закони*» автор ведет повествование с позиции постороннего наблюдателя и современника событий, связанных с борьбой хана Крума с пьянством. На морфологическом уровне болгарский язык позволяет четко обозначить свидетельскую или несвидетельскую позицию рассказчика при описании прошедших событий. Выбор глагольных форм изъявительного или пересказывательного наклонения здесь становится стилистически значимым и позволяет добиться при желании повышения степени достоверности нарратива. Писатель может позволить себе даже представить свою версию внутреннего монолога владельца. Читатель в то же время сознает, что имеет дело с особым, творчески-субъективным

взглядом на события, но принимает «правила игры». «Погружение в атмосферу» достигается автором при помощи соответствующих «величальных» обращений царедворцев к хану: *Велики хане, Ваша светлост, Пресветли хане, Пресветли владетелю*. Исторический колорит создается чаще всего архаизмами и историзмами: *таркани, боили и други приближени; вран кон; Защо ме гледате в изумление?; похвалявам, одобрявам и разрешавам; десницата на мъдрия хан; царствени дрехи; вестноосци; стражи; Хемус* (римское название Балканских гор). В целом, язык Мирона Иванова в рассказе не выходит за рамки обычной бытовой разговорной речи. Автор предлагает в конце оригинальный сюжетный ход – неуспешная борьба Крума с пьяницей-виноградарем, которому в наказание за прегрешения сломали руки, отрезали нос, уши и язык, заканчивается неожиданным открытием. Виновник умудряется напиваться, не нарушая закон о вине и виноградниках, потому что делает спиртной напиток из слив – ракию. Ничего не понимая («в те времена еще не знали, что такое «реабилитация»»), покалеченный виноградарь покидает дворец верхом на коне, в дорогой одежде, вознагражден множеством монет, а хан посылает гонцов к болгарам, уехавшим за границу в поисках вина с вестью о своем новом великом открытии. Историческая основа текста фактически создает ассоциативный фон для развития более широкой темы о взаимоотношениях власти и народа, о форме и содержании закона. **Боян Биолчев**, еще один современный болгарский писатель, использует для актуализации прошлого другую форму – эпистолярную. В рамках цикла юмористических рассказов «Письма из рая» как один из авторов писем представлен и хан Крум. Его решение бороться с пьянством показано как результат совета личного астролога владетеля: «хочешь победить врага, сделай жизнь своих поданных невыносимой и пошли их мстить за это другому государству». Письмо заканчивается нелестной оценкой историков: «и как это было всегда, история все переворачивает с ног на голову» и постскриптным уточнением: «Здравствуй и на здоровье! Если бы я вообще не пил, если бы мои люди никогда не пили, что бы я наливал в башку Никифора, отмечая победу? Какой напиток? Кока-колу!? Эх, вы, башки дубовые! (болг. *Тикви с тикви такива*)».

Диалогичность, ассоциативность, приближение к реалиям современности характеризуют и два текста, опубликованные в ежедневной газете «Сегга» («Теперь», «Сейчас»), рассчитывающей на интеллигентных, с высокой культурой читателей. Автор статьи «Забытые прозрения владетелей» («Забравените прозрения на владетелите») **Григор Николов** ставит перед собой цель перечислить идеи, родившиеся в головах болгарских правителей, но не применяемые при решении схожих проблем в наше время. Сопоставление «тогда – сейчас» становится организующим структурным стержнем текста: «Славяне и протоболгары были далеки от мысли становиться единым этносом, хотя, как и теперь (*както и днес*),

существовали районы со смешанным (тогда – протоболгаро-славянским) населением, в которых и те, и другие, сохраняли право на самоуправление»; «не было независимой судебной власти, Народного собрания (парламента), а преступность, выражаясь современной терминологией, была преимущественно «бытовой», поэтому хан сам сел и придумал законы»; «чтобы реформы прошли, хан осознавал, что о них следует объявить на всенародном собрании, для того, их обсудили и только потом они вступили в силу. Это ли не демократия высшей пробы, первообраз референдума, от которого теперешние политики шарахаются как черт от лада (болг. *бягат като дявол от тамян*)»? Публицист дает волю своему воображению, рассуждая на тему: «что было бы, если законы Крума действовали и сейчас?» и приходит к выводу, что о понятии «Винзавод» все давно бы забыли, тюремные камеры были бы забиты ворами, клеветниками и укрывателями воров, травматологи не успевали бы накладывать гипс на поломанные ноги нарушителей, значит, может быть и хорошо, что «мы забыли законы Крума».

Еще более свободно с историческими фактами обращается автор текста «*Крум Страшни – законите. Избрани моменти от историята ни*» («Крум Грозный – законы. Избранные моменты из нашей истории») в комментарной рубрике газеты «*Сега*» - «*Реконтра*», под псевдонимом *Тимур и его командос*. Повествование ведется при помощи свидетельских глагольных форм. Изложение насыщено оборотами разговорно-бытовой речи, которые, наряду с иронией, призваны снять романтически-пафосные интонации и представить события и личностей в духе повседневной жизни: «На самом деле в начале Крум был совсем не грозным – наоборот, очень нормальным был человеком, хотел ладить с соседями, чтобы в государстве был порядок и хотя бы большая часть налогов доходила до него – но вот незадача, что-то совсем ничего не получалось». Карнавальность рассказа усиливается языковой «колоризацией» – появляются слова и клишированные выражения, которые обычно используются в изложениях о современных событиях – *бюджет, коррупция, акциз, Европа гледа* (Европа смотрит), *Само с пиар не става* (Одним пиаром ничего не сделаешь), *поради липса на телевизия, сериали, Интернет и разни други такива народът го беше ударил яко на тиене* (из-за отсутствия телевидения, сериалов, интернета и тому подобных вещей, народ ударился в пьянство). Интертекстуальность как характерная черта повествования проявляется вкраплениями библеизмов (*глас в пустиня* – голос в пустыне), крылатых фраз (*забраненият плод е най-сладък* – запретный плод – слаще всего), сказочных формул (*речено – сторено* – сказано – сделано), заимствований из других функциональных стилей – художественного (*Една нощ Тангра се смили над хана и му прати прозрение* – Однажды ночью Тангра смилился над ханом и ниспослал ему прозрение), официально-делового (пассивные конструкции с

грамматическим субъектом или без него: *на хана бе докладвано; в новата редакция на закона имаше предвидени и наказания; инструментариумът беше ограничен; канцеларията на хана бе затрупуна от молби на желаещи...*), разговорного (фразеологизмы: *ден до пладне* – без году неделя, всего ничего; *кучета я яли* – пусть проваливает ко всем чертям; обобщенно-личные и неопределенно-личные предложения: *откраднеш – секат ти ръката, наклеветиш някого – режат ти езика*; эмоционально насыщенная речь (с междометиями и специфическими адмиративными глагольными формами): *«Брей, че съм бил прост – самокритично възкликна Крум. – Добре поне, че съм страшен»*. – Какой же я дурак – самокритично воскликнул Крум. Хоть то хорошо, что я грозен.

Примерно те же средства экспрессирования текста использует и молодой автор **Васил Георгиев** в заметке «Улица Хана Крума» из сборника с зарисовками об улицах Софии под ироничным названием «Уличник». Здесь можно отметить более открытый характер оценочности, личного отношения автора, с явным или чуть прикрытым скепсисом к историческим источникам: *«злые хронисты утверждают», «историки, неизвестно по каким причинам, решили», «эти факты, по мнению некоторых историков, ставят под сомнение всю историю с законами, а по мнению других, подтверждают, что уже тогда, законы не относились к управляющим»*.

Анализ вышеуказанных текстов дает основание сказать, что в современном болгарском языке вырабатываются новые стилистические формы рассказа о прошлом, о важных для истории и самосознания болгар событиях. Эти формы вбирают в себя черты и языковые средства, характерные для других стилистических формаций. В качестве общих элементов, при всем разнообразии подходов авторов к теме, можно выделить: стремление к представлению своей, личной версии, отталкиваясь от известных всем фактов; актуализация, приближение истории к современным реалиям; анахронизмы – совмещение реально несовместимых во времени ситуаций; оценочность и экспрессивность изложения; использование речевых клише, прецедентных текстов, стереотипов общественного сознания; интертекстуальность; приближение рассказа к обыденной, повседневной речи. В конечном счете всё работает на создание общепонятного, бытового, красочного «фольк»-варианта истории страны.